

ГЛАВА V

КЛАССИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ И МАРКСИЗМ РУССКИЙ

1.

К 80 годам народнический социализм был изжит и революционное движение не могло дальше развиваться под его знаменем. Уже возникновение партии «народной воли», которая ставила себе прежде всего чисто политическую цель свержения самодержавной монархии путем террора, было кризисом народничества. Революционная интеллигенция разуверилась в крестьянстве и решила опереться лишь на свой собственный геройзм. Убийство Александра II народовольцами не только не привело к торжеству революционной интеллигенции, но вызвало в эпоху Александра III сильное реакционное движение не в правительстве только, но и в обществе. Революционное движение не нашло себе никакой реальной социальной базы. В это время за границей среди эмигрантов возникла группа «Освобождение труда». Во главе ее стояли Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич, Дейч. Это было возникновение русского марксизма и социал-демократического движения. После Маркса и Энгельса Плеханов был одним из главных признанных теоретиков марксизма. В прошлом Плеханов участвовал в народнических революционных организациях «Земля и Воля» и «Черный Передел». За годы жизни в Западной Европе Плеханов стал совсем западным человеком, очень рационалистического склада, довольно культурным, хотя и не высокого типа культуры, революционером более книжным, чем практическим. Он мог быть вожаком марксистской школы мысли, но не мог быть вожаком революции, как это и выяснилось в эпоху революции. Но на книжках Плеханова воспитывалось несколько поколений русских марксистов, в том числе Ленин и вожаки русского коммунизма. Первоначально марксизм на русской почве был крайней формой русского западничества. Первые поколения русских марксистов прежде всего боролись со старыми на-

правлениями революционной интеллигенции, с народничеством, и нанесли ему непоправимые удары. Русский марксизм ждал освобождения от индустриального развития России, которого народничество как раз хотело избежать. Капиталистическая индустрия должна привести к образованию и развитию рабочего класса, который и есть класс освободитель. Поэтому марксисты стояли за пролетаризацию крестьянства, которой народники хотели не допустить. Марксисты думали, что они наконец нашли реальную социальную базу для революционной освободительной борьбы. Единственная реальная социальная сила, на которую можно опереться, это образующийся пролетариат. Нужно развивать классовое революционное сознание этого пролетариата. Нужно идти не к крестьянству, которое отвергло революционную интеллигенцию, а к рабочим, на фабрику. Марксисты сознавали себя реалистами, потому что развитие капитализма в это время в России действительно происходило. Первые марксисты хотели опереться не столько на революционную интеллигенцию, на роль личности в истории, сколько на объективный социально-экономический процесс. Марксисты с презрением нападали на утопический социализм народников. Если тип русского революционера-народника был по преимуществу эмоциональный, то тип русского революционера-марксиста был по преимуществу интеллектуальный. В соответствии с условиями, в которых возник русский марксизм, марксисты сначала особенно подчеркивали детерминистические и эволюционные элементы в учении Маркса. Они боролись с утопизмом, с мечтательностью и гордились тем, что они, наконец, обрели истину научного социализма, который обещает им верную победу в силу закономерного объективного социального процесса. Социализм будет результатом экономической необходимости, необходимого развития. Первые русские марксисты очень любили говорить о развитии материальных производительных сил, как главной надежде и опоры. При этом их интересовало не столько само экономическое развитие России, как положительная цель и благо, сколько образование орудия революционной борьбы. Такова была революционная психология. Цели русской революционной интеллигенции остались как будто бы те же, но они приобрели новое орудие борьбы, они почувствовали более твердую почву под ногами. Марксизм был более сложной умственной теорией, чем теории, на которые до сих пор опиралась революционная интеллигенция, и требовал больших усилий мысли. Но он рассматривался, как революционное орудие, и прежде всего как орудие борьбы против старых направлений, обнаруживших бессиление. В начале марксисты производили даже впечатление менее крайних и свирепых революционеров, чем старые социалисты-народники или

социалисты-революционеры, как их стали называть, они были против террора. Но это была обманчивая внешность, вводившая в заблуждение даже жандармов. Возникновение русского марксизма было серьезным кризисом русской интеллигенции, потрясением основ их миросозерцания. Из марксизма возникли разные новые течения. И нужно понять сущность марксизма и его двойственность, чтобы ориентироваться в дальнейших русских течениях.

Марксизм более сложное явление, чем обыкновенно думают. Не нужно забывать, что Маркс вышел из недр немецкого идеализма начала XIX века, он проникнут был идеями Фихте и Гегеля. Совершенно также Фейербах, главный представитель левого гегельянства, и тогда, когда он называл себя материалистом, весь был пропитан идеалистической философией и даже оставался своеобразным теологом. Особенно у юного Маркса чувствуется его происхождение от идеализма, которое наложило печать на всю концепцию материализма*). Марксизм дает, конечно, очень большие основания истолковывать марксистскую доктрину, как последовательную систему социологического детерминизма. Экономика определяет всю человеческую жизнь, от нее зависит не только все строение общества, но и вся идеология, вся духовная культура, религия, философия, мораль, искусство. Экономика есть базис, идеология есть надстройка. Существует неотвратимый объективный общественно-экономический процесс, которым все определяется. Форма производства и обмена есть как бы первородная жизнь и от нее все остальное зависит. В человеке мыслит и творит не он сам, а социальный класс, к которому он принадлежит, он мыслит и творит, как дворянин, крупный буржуа, мелкий буржуа или пролетарий. Человек не может освободиться от определяющей его экономики он ее лишь отражает. Такова одна сторона марксизма. Власть экономики в человеческой жизни не Марксом выдумана и не он виновник того, что экономика так влияет на идеологию. Маркс увидел это в окружавшем его капиталистическом обществе Европы. Но он обобщил это и придал этому универсальный характер. То, что он открыл в капиталистическом обществе своего времени, он признал основой всякого общества. Он многое открыл в капиталистическом обществе и много верного сказал о нем, но ошибка его заключалась в универсализации частного. Экономический детерминизм Маркса носит совсем особый характер. Это есть разоблачение иллюзий сознания. Это делал уже Фейербах для религиозного сознания. Метод разоблаче-

---

*) См. цитированную книгу Сорни.

ния иллюзий сознания у Маркса очень напоминает то, что делает Фрейд. Идеология, которая есть лишь надстройка, религиозные верования, философские теории, моральные оценки, творчество в искусстве — иллюзорно отражают в сознании действительность, которая есть прежде всего действительность экономическая, т. е. коллективная борьба человека с природой для поддержания жизни, подобно тому как у Фрейда есть прежде всего сексуальная действительность. Бытие определяет сознание, но бытие есть прежде всего материальное, хозяйственное бытие. Дух есть эпифеномен этого хозяйственного бытия. Марксизм не непосредственно выводит всякую идеологию и всякую духовную культуру из экономики, а через посредство классовой психологии, т. е. в социологическом детерминизме марксизма есть психологическое звено.) Хотя существование классовой психологии и классового искажения всех идей и верований есть несомненная истина, но сама психология есть наиболее слабая сторона марксизма, психология эта была рационалистической и совершенно устарела.

Чтобы понять смысл социологического детерминизма марксизма и изобличения им иллюзий сознания, нужно обратить внимание на существование в марксизме совсем другой стороны, по видимости противоречащей экономическому материализму. Марксизм есть не только учение исторического или экономического материализма о полной зависимости человека от экономики, марксизм есть также учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, о грядущем совершенном обществе, в котором человек не будет уже зависеть от экономики, о мощи и победе человека над иррациональными силами природы и общества. Душа марксизма тут, а не в экономическом детерминизме. Человек целиком детерминирован экономикой в капиталистическом обществе, это относится к прошлому. Определимость человека экономикой может быть истолкована, как грех прошлого. Но в будущем может быть иначе, человек может быть освобожден от рабства. И активным субъектом, который освободит человека от рабства и создаст лучшую жизнь, является пролетариат. Ему приписываются мессианские свойства, на него переносятся свойства избранного народа Божьего, он новый Израиль. Это есть секуляризация древне-еврейского мессианского сознания. Рычаг, которым можно будет перевернуть мир, найден. И тут материализм Маркса оборачивается крайним идеализмом. Маркс открывает в капитализме процесс дегуманизации, овеществления (*Verdinglichung*) человека. С этим связано гениальное учение Маркса о фетишизме товаров. Все в истории, в социальной жизни есть продукт активности человека, человеческого труда, человече-

ской борьбы*). Но человек падает жертвой иллюзорного, обманного сознания, в силу которого результаты его собственной активности и труда представляются ему вещным объективным миром, от которого он зависит. Не существует вещной, объективной, экономической действительности, это иллюзия, существует лишь активность человека и активное отношение человека к человеку. Капитал не есть объективная вещная реальность, находящаяся вне человека, капитал есть лишь общественные отношения людей в производстве. За экономической действительностью всегда скрыты живые люди и социальные группировки людей. И человек своей активностью может расплести этот призрачный мир капиталистической экономики. К этому призван пролетариат, который падает жертвой этой иллюзии, фатализации и овеществления продуктов человеческого труда. Пролетариат должен бороться против овеществления человека, против дегуманизации хозяйства, должен обнаружить всемогущество человеческой активности. Это совсем другая сторона марксизма и она была сильна у раннего Маркса**). Вера в активность человека, субъекта, он получил от немецкого идеализма. Это есть вера в дух и она не соединима с материализмом. В марксизме есть элементы настоящей экзистенциальной философии, обнаруживающей иллюзию и обман объективации, преодолевающей человеческой активностью мир объективированных вещей. Только эта сторона марксизма могла внушить энтузиазм и вызвать революционную энергию. Экономический детерминизм принижает человека, возвышает его лишь вера в активность человека, которая может совершать чудесное* перерождение общества.

С этим связано и революционное, динамическое понимание диалектики. Нужно сказать, что диалектический материализм есть нелепое словосочетание. Не может быть диалектики материи, диалектика предполагает логос, смысл, возможна лишь диалектика мысли и духа. Но Маркс перенес свойства мысли и духа в недра матери. Материальному процессу оказывается свойственной мысль, разум, свобода, творческая активность и потому материальный процесс может привести к торжеству

*) Маркс говорит в своих тезисах о Фейербахе: «Der Hauptzuangestellte bisherigen Materialismus ist, dass der Gegenstand, die Wirklichkeit, die Sinnlichkeit nur unter der Form des Objekts oder der Anschauung gegeahrt wird, nicht aber als sinnlich-menschliche Täigkeit, Praxis, nicht subjektiv». Marx: «Theseen über Feuerbach». Это честно совершенно противоположно материализму и приближает к экзистенциальной философии.

**) Этую сторону марксизма подчеркивает и развивает Лукач, самый умный из коммунистических писателей, в книге: Lukacs — «Geschichte und Klasseneinschwingen. Studien über marxistische Dialektik».

смысла, к овладению социальным разумом всей жизни. Диалектика превращается в экзальтацию человеческой воли, человеческой активности. Все определяется уже не объективным развитием материальных производительных сил, не экономикой, а революционной борьбой классов, т. е. активностью человека. Человек может победить власть экономики над своей жизнью. Предстоит, по словам Маркса и Энгельса, скачок из царства необходимости в царство свободы. История резко разделится на две части, на прошлое, детерминированное экономикой, когда человек был рабом, и на будущее, которое начнется с победы пролетариата и будет целиком определяться активностью человека, социального человека, когда будет царство свободы. Переход от необходимости к свободе понимается в духе Гегеля. Но революционная диалектика марксизма есть не логическая необходимость самораскрытия и саморазвития идеи, а активность революционного человека, для которого прошлое не обязательно.

Свобода есть сознанная необходимость, но это сознание необходимости может творить чудеса, совершенно перерождать жизнь и создавать новое, небывшее. Переход к царству свободы есть победа над первородным грехом, который Маркс видел в эксплуатации человека человеком. Весь моральный пафос Маркса связан с этим раскрытием эксплуатации, как основы человеческого общества, эксплуатации труда. Маркс явно смешивал экономическую и этическую категории. Учение о прибавочной ценности, которое и обнаруживает эксплуатацию рабочих капиталистами, Маркс считал научным экономическим учением. Но в действительности это есть прежде всего этическое учение! Эксплуатация есть не экономический феномен, а прежде всего феномен нравственного порядка, нравственно дурное отношение человека к человеку. Существует разительное противоречие между научным аморализмом Маркса, который терпеть не мог этического обоснования социализма, и крайним морализмом марксистов в оценках общественной жизни. Все учение о классовой борьбе носит аксиологический характер. Различие между «буржуа» и «пролетарнем» есть различие между злом и добром, несправедливостью и справедливостью, между заслуживающим порицания и одобрения. В системе марксизма есть логически противоречивое соединение элементов материалистических, научно-детерминистических, аморалистических с элементами идеалистическими, моралистическими, религиозно-мифотворческими. Маркс создал настоящий миф о пролетариате. Миссия пролетариата есть предмет веры. Марксизм не есть только наука и политика, он есть также вера, религия. И на этом основана его сила.

Русские восприняли сначала марксизм по преимуществу со стороны объективно-научной. Более всего поразило учение Маркса о том, что социализм будет необходимым результатом объективного экономического развития, что он детерминирован самим развитием материальных производительных сил. Это было воспринято как надежда. Русские социалисты перестали себя чувствовать беспочвенными, висящими над бездной. Оничувствовали себя «научными», не утопическими, не мечтательными социалистами. «Научный социализм» стал предметом мечты. Но твердая надежда, которую дает научный социализм на осуществление вожделенной цели, связана с промышленным развитием, с образованием класса фабричных рабочих. Страна, которая останется исключительно сельскохозяйственной и крестьянской, таких надежд не дает. Поэтому первые русские марксисты прежде всего должны были опрокинуть народническое миросозерцание, доказывать что в России развивается и должен развиваться капитализм. Борьба за тот тезис, что в России развивается капиталистическая индустрия и следовательно возрастает количество рабочих, представлялась революционной борьбой. Социалисты-народники в глазах марксистов превратились почти в реакционеров.

Но марксизм был воспринят по разному. Для одних развитие капиталистической промышленности в России означало надежду на торжество социализма. Возникает рабочий класс. Нужно отдать все свои силы на развитие сознания этого класса. Это Глеханов говорил: «за капитализм вся динамика нашей общественной жизни». Говоря это, он думал не о самой промышленности, а о рабочих. Для других, преимущественно для легальных марксистов, развитие капиталистической промышленности приобретало самодовлеющее значение и революционно-классовая сторона марксизма отходила на второй план. Таков был прежде всего П. Струве, представитель марксизма буржуазного. Те русские социал-демократы марксисты, которые потом получили наименование «меньшевиков», очень дорожили тезисом, что социалистическая революция возможна лишь в стране с развитой капиталистической индустрией. Поэтому социалистическая революция возможна будет в России, когда она перестанет быть по преимуществу крестьянской и сельскохозяйственной страной. Этот тип марксистов всегда дорожил объективно-научной, детерминистической стороной марксизма, но сохранял и субъективную, революционно-классовую сторону марксизма. Постоянные разговоры первых марксистов о необходимости развития капитализма в России и готовность приветствовать это развитие привели к тому, что старый народ-

волец Л. Тихомиров, потом перешедший в реакционный лагерь, обвинял марксистов в том, что они должны превратиться в рыцарей первоначального накопления.

Марксисты считали народников реакционерами, сторонниками отсталых форм хозяйства, народники же считали марксистов сторонниками капитализма, призванными служить развитию капитализма. И действительно русский марксизм, возникший в стране еще не индустриализированной, без развитого пролетариата, должен был раздираться моральным противоречием, которое давило на совесть многих русских социалистов. Как можно желать развития капитализма, приветствовать это развитие и вместе с тем считать капитализм злом и несправедливостью, с которой каждый социалист призван вести борьбу? Этот сложный диалектический вопрос создает моральный конфликт. Развитие капиталистической индустрии в России предполагало пролетаризацию крестьянства, лишение его орудий производства, т. е. ввержение в бедственное состояние значительной части народа. Капитализм означал эксплуатацию рабочих и значит нужно было приветствовать возникновение этих форм эксплуатации. В самом классическом марксизме была двойственность в оценке капитализма и буржуазии. Маркс, поскольку он стоял на эволюционной точке зрения и признавал существование разных этапов в истории, в отношении которых оценка меняется, высоко оценивал миссию буржуазии в прошлом и роль капитализма в развитии материальной мощи человечества. Вся концепция марксизма очень зависит от развития капитализма и приурочивает к капиталистической индустрии мессианскую идею пролетариата, которая с наукой ничего общего не имеет. Марксизм верит, что фабрика и только фабрика создаст нового человека. Тот же вопрос ставится перед марксизмом в другой форме: есть ли марксистская идеология такое же отражение экономической действительности, как и все другие идеологии, или она претендует на открытие абсолютной истины, не зависимой от исторических форм экономики и экономических интересов? Для философии марксизма очень важен вопрос, есть ли эта философия прагматизм или абсолютный реализм? Вопрос этот, как мы увидим, будет дебатироваться в советской философии. Но перед первыми русскими марксистами стоял вопрос моральный и вопрос познавательный и создавал конфликт моральный и логический. Мы увидим, что этот моральный конфликт будет разрешен лишь Лениным и большевиками. Именно марксист Ленин будет утверждать, что социализм может быть осуществлен в России помимо развития капитализма и до образования многочисленного рабочего класса. Плеханов же высказывался против со-вмещения революции, низвергающей самодержавную монар-

хию, и революции социальной, он против революционно-социалистического захвата власти, т. е. заранее против коммунистической революции в той форме, как она произошла. С социальной революцией нужно ждать. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, а не революционного кружка. Это требует увеличения количества рабочих, развития их сознательности, предполагает более развитую промышленность. Плеханов изначально был врагом бакунизма, в котором видел смешение Фурье со Стенькой Разиным. Он против бунтарства и заговорчества, против якобинства и веры в комитеты. Диктатура ничего не может сделать, если рабочий класс не подготовлен к революции. Подчеркивается реакционный характер крестьянской общины, мешающей экономическому развитию. Спереться нужно на объективный общественный процесс. Плеханов не принял большевистской революции, потому что всегда был против захвата власти, для которой еще не подготовлена ни сила, ни сознание. Нужно прежде всего революционизирование сознания, а не стихийное движение, и революционизирование сознания самого рабочего класса, а не партийно организованного меньшинства.

Но при таком применении к России принципов марксизма до социальной революции пришлось бы слишком долго жить. Возможность непосредственной социалистической деятельности в России ставилась под вопрос. Революционная воля могла быть окончательно раздавлена интеллектуальной теорией. И наиболее революционно настроенные русские марксисты должны были иначе истолковать марксизм и построить другие теории русской революции, выработать иную тактику. В этом крыле русского марксизма революционная воля преобладала над интеллектуальными теориями, над книжно-кабинетным истолкованием марксизма. Произошло незаметное соединение традиций революционного марксизма с традициями старой русской революционности, не желавшей допустить капиталистической стадии в развитии России, с Чернышевским, Бакуниным, Нечаевым, Ткачевым. На этот раз не Фурье, а Маркс был соединен со Стенькой Разиным. Марксисты-большевики оказались гораздо более в русской традиции, чем марксисты-меньшевики. На почве эволюционного, детерминистического истолкования марксизма нельзя было оправдать пролетарской, социалистической революции в стране индустрально отсталой, крестьянской, со слабо развитым рабочим классом. При таком понимании марксизма приходилось рассчитывать сначала на буржуазную революцию, на развитие капитализма и потом уже совершать социалистическую революцию. Это было не очень благоприятно для экзальтации революционной воли.

На почве перенесения в Россию марксистских идей среди

русских социал-демократов возникло между прочим направление «экономизма», которое политическую революцию возлагало на либеральную и радикальную буржуазию, а среди рабочих считало нужным организовывать чисто экономическое, профессиональное движение. Это было правое крыло социал-демократии, которое вызвало реакцию более революционного крыла. Происходило все более и более разделение внутри русского марксизма на ортодоксальное, более революционное крыло и на критическое, более реформаторское крыло. Различие между «ортодоксальным» и «критическим» марксизмом было очень условно-относительным, потому что, «критический» марксизм был в некоторых отношениях более верен научной, детерминистической стороне марксизма, чем марксизм «ортодоксальный», который делал из марксизма совершенно оригинальные по отношению к России выводы, которые вряд ли могли быть приняты Марксом и Энгельсом. Лукач, венгерец, пишущий по-немецки, самый умный из коммунистических писателей, обнаруживший большую тонкость мысли, делает своеобразное и по моему верное определение революционности*). Революционность определяется совсем не радикализмом целей и даже не характером средств применяемых в борьбе. Революционность есть **тотальность**, целостность в отношении ко всякому акту жизни. Революционер тот, кто в каждом совершаемом им акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идеи. Для революционера нет раздельных сфер, он не допускает дробления, не допускает автономии мысли по отношению к действию и автономии действия по отношению к мысли. Революционер имеет интегральное мировоззрение, в котором теория и практика органически слиты. Тоталитарность во всем — основной признак революционного отношения к жизни. Критический марксизм мог иметь те же конечные идеалы, что и марксизм революционный, считающий себя ортодоксальным, но он признавал раздельные, автономные сферы, он не утверждал тотальности. Можно, например, было быть марксистом в сфере социальной и не быть материалистом, быть даже идеалистом. Можно было критиковать те или иные стороны марксистского мировоззрения. Марксизм переставал быть целостной, тоталитарной доктриной, он превращался в метод в социальном познании и социальной борьбе. Это противно тоталитарности революционного типа. Русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны. Революция была для них религией и философией, а не только борьбой, связанной с социальной и политической стороной жизни. И должен был выработать русский марксизм, соответствующий этому

*.) См. выше цитированную книгу Лукача.

революционному типу и этому революционному тоталитарному инстинкту. Это — Ленин и большевики. Большевики и определил себя единственным ортодоксальным, т. е. тоталитарным, интегральным марксизмом, не допускающим дробления марксистского миросозерцания и принятия лишь его отдельных частей.

Этот «ортодоксальный» марксизм, который в действительности был по-русски трансформированным марксизмом, воспринял прежде всего не детерминистическую, эволюционную, научную сторону марксизма, а его мессианскую, мифотворческую религиозную сторону, допускающую экзальтацию революционной воли, выдвигающую на первый план революционную борьбу пролетариата, руководимую организованным меньшинством, вдохновленным сознательной пролетарской идеей. Этот ортодоксальный, тоталитарный марксизм всегда требовал исповедания материалистической веры, но в нем были и сильные идеалистические элементы. Он показал, как велика власть идеи над человеческой жизнью, если она тотальна и соответствует инстинктам масс. В марксизме-большевизме пролетариат перестал быть эмпирической реальностью, ибо в качестве эмпирической реальности пролетариат был ничтожен, он был прежде всего идеей пролетариата, носителем же этой идеи может быть незначительное меньшинство. Если это незначительное меньшинство целиком одержимо титанической идеей пролетариата, если его революционная воля экзальтирована, если оно хорошо организовано и дисциплинировано, то оно может совершать чудеса, может преодолеть детерминизм социальной закономерности. И Ленин доказал на практике, что это возможно. Он совершил революцию во имя Маркса, но не по Марксу. Коммунистическая революция в России совершалась во имя тоталитарного марксизма, марксизма, как религии пролетариата, но в противоположность всему, что Маркс говорил о развитии человеческих обществ. Не революционному народничеству, а именно ортодоксальному, тоталитарному марксизму удалось совершить революцию, в которой Россия перескочила через стадию капиталистического развития, которое представлялось столь неизбежной первым русским марксистам. И это оказалось согласным с русскими традициями и инстинктами народа. В это время иллюзии революционного народничества были изжиты, миф о народе-крестьянстве пал. Народ не принял революционной интеллигенции. Нужен был новый революционный миф. И миф о народе был заменен мифом о пролетариате. Марксизм разложил понятие народа, как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с

пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединилось с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелко-буржуазным, реакционным классом. Ортодоксальный, тоталитарный марксизм запретил говорить о противоположности интересов пролетариата и крестьянства. На этом сорвался Троцкий, который хотел быть верен классическому марксизму. Крестьянство было объявлено революционным классом, хотя советскому правительству приходится с ним постоянно бороться, иногда очень жестоко. Ленин вернулся по новому к старой традиции русской революционной мысли. Он провозгласил, что промышленная отсталость России, зачаточный характер капитализма есть великое преимущество социальной революции. Не придется иметь дело с сильной, организованной буржуазией. Тут Ленин принужден повторить то, что говорил Ткачев, а отнюдь не то, что говорил Энгельс. Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма.

3.

Марксизм был крушением русской интеллигенции, был сознанием ее слабости. Это было не только изменением мировоззрения, но и изменением душевой структуры. Русский социализм делался менее эмоциональным и сентиментальным, более интеллектуально обоснованным и более жестким. Первые русские марксисты были более европейцами, более западными людьми, чем народники. Пробудилась воля к могуществу, к приобретению силы и появилась идеология силы. Мотив сострадания ослабевает, не определяет уже типа революционной борьбы. Отношение к народу-пролетариату определяется уже не столько состраданием к его угнетенному, несчастному положению, сколько верой в то, что он должен победить, что он грядущая сила и освободитель человечества. Но при всех душевых изменениях в интеллигенции основная подпочва осталась та же — искание царства социальной правды и справедливости, жертвоспособность, аскетическое отношение к культуре, целостное, тоталитарное отношение к жизни, определяемое главной целью — осуществлением социализма.

Изначально русский марксизм был сложным явлением, в нем были разные элементы. И это обнаружилось в дальнейшем. Если одна часть русских марксистов более всего дорожила целостным, тоталитарным характером своего революционного миросозерцания, охраняла свою ортодоксию и отличалась крайней

истерпимостью, если марксизм и социализм были для них религиями, то в другой части произошла дифференциация разных культурных областей, была нарушена революционная целостность, и произошло освобождение подавленной жизни духа и духовного творчества. Были признаны права религии, философии, искусства, независимо от социального утилитаризма моральной жизни, т. е. права духа, которые отрицались русским нигилизмом, революционным народничеством и анархизмом и революционным марксизмом. Так как в марксизме и в социализме перестали видеть религию, целостное миросозерцание, ствечающее на все вопросы жизни, то освободилось место для религиозных исканий, для духовного творчества. Как это ни странно с первого взгляда, но именно из недр марксизма, — скорее впрочем критического, чем ортодоксального, — вышло у нас идеалистическое, а потом религиозное течение. К нему принадлежали С. Булгаков, ныне священик и профессор догматического богословия, а также пишущий эти строки*).

Произошел кризис миросозерцания, обращенного исключительно к посюстороннему, к земной жизни и раскрылся иной, потусторонний, духовный мир. Наступил конец исключительному господству материализма и позитивизма в русской интеллигенции. За возможность такого метафизического и религиозного новорота велась жестокая борьба. Идеалистическое течение было воспринято со страшной враждой, как в марксистском лагере, так и в старом народническом и радикальном лагере. Этот поворот рассматривался, как измена свободительной борьбы. В лагере марксистов это приняло первоначально форму борьбы ортодоксального, т. е. тоталитарного, направления и направления критического, допускавшего соединение марксизма с иной, не материалистической философией и критический пересмотр некоторых сторон марксизма. В дальнейшем движение оторвалось от связи с разными формами марксизма и превратилось в борьбу за самостоятельность духовных ценностей в познании, искусстве, моральной и религиозной жизни. Социализму пытались дать идеологическое, этическое обоснование. Это было преодолением традиций русского нигилизма, утопизма, материализма, позитивизма. В конце концов это привело к тому, что цельность, тоталитарность начали искать не в революции, а в религии. В начале XX века в России был настоящий культурный ренессанс, религиозный, философский, художественный. И тут произошел возврат к традициям великой русской литературы и русской религиозно-философской

*) Первая моя книга вышедшая в 1900 г. «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» представила попытку синтезировать марксизм с идеалистической философией Канта и Фихте.

мысли. От Чернышевского и Плеханова обратились к Достоевскому, Л. Толстому, Вл. Соловьеву. Но эти культурные идеалистические течения начали терять связь с социальным революционным движением, они все более и более теряли широкий социальный базис. Образовалась культурная элита, не оказавшая влияния на широкие круги русского народа и общества. Это был новый раскол, которыми так богата история русской интеллигенции. В этом была слабость идеалистического движения. И это имело роковые последствия для идеологии русской революции, для ее духоборства.

В русском верхнем культурном слое начала века был настоящий ренессанс духовной культуры, появилась русская философская школа с оригинальной религиозной философией, был расцвет русской поэзии, после десятилетий падения эстетического вкуса пробудилось обостренное эстетическое сознание, пробудился интерес к вопросам духовного порядка, который был у нас в начале XIX века. Впервые может быть в России появились люди утонченной культуры, граничащей с упадочностью. Это было время символизма, метафизики, мистики. Люди русского культурного слоя стояли вполне на высоте европейской культуры. Огромное значение имел в это время Ницше, влияние которого встречалось с влиянием Достоевского. Из немецкой философии наибольший интерес вновь вызывали такие мыслители, как Шеллинг и Фр. Баадер. Прошли через Ибсена, через французских символистов. Но русский символизм не остался в сфере эстетико-художественной, он быстро перешел в сферу религиозно-мистическую. Вновь были открыты и получили значение русские мыслители полу-забытые или еще мало известные и неоцененные — Хомяков, Вл. Соловьев, К. Леонтьев, Н. Федоров, В. Розанов. Но ко всей просвещенческой, нигилистической, народнической полосе русской мысли был потерян интерес. Это было время, когда на башне Вячеслава Иванова, — так называлась квартира на шестом этаже против Таврического дворца самого утонченного из русских поэтов-символистов, — происходили каждую среду утонченнейшие беседы на эстетико-мистические темы. В это время внизу бушевала первая революция 1905 года. Между верхним и нижним этажом русской культуры не было почти ничего общего, был полный раскол. Жили как бы на разных планетах. В общем движение может быть окартизовано как своеобразный русский романтизм, но в своем религиозно направленном крыле это был переход к религиозному реализму. Ничего социально-реакционного в культурном ренессансе начала века не было, многие его деятели даже определенно сочувствовали революции и социализму. Но интерес к социальным вопросам ослабел и деятели духовной культуры не имели никакого влия-

ния на происходившее социально-революционное брожение, они жили в социальной изоляции, составляли замкнутую элиту.

В это же время происходили бурные споры большевизма и меньшевиков и настало большевистская партийная организация. Плеханов, глава меньшевистской фракции социал-демократии, был книжным теоретиком марксизма, а не революционным вождем. Настоящим революционным вождем был Ленин, создатель русского и мирового коммунистического движения. Раскол русской социал-демократии на большевиков и меньшевиков начался с происходившего в Лондоне в 1903 году съезда социал-демократической партии. Большевики на этом съезде получили количественное «большинство», меньшевики же «меньшинство». Очень интересна самая судьба слова «большевизм». Первоначально это слово совершенно бесцветно и означает сторонников большинства. Но потом оно приобретает символический смысл. Со словом «большевизма» ассоциировалось понятие силы, со словом же меньшевизм — понятие сравнительной слабости. В стихии революции 1917 года восставшие народные массы пленялись «большевизмом», как силой, которая больше дает, в то время как «меньшевизм» представлялся слабым, он дает меньше. Скромное и мало значущее по своему происхождению слово «большевизм» приобрело значение знамени, лозунга, самое слово звучало сильно и выразительно. Но очень характерно для раскола русской культуры, что и большевики и меньшевики и все деятели революционного социального движения вдохновлялись совсем не теми идеями, которые господствовали в верхнем слое русской культуры, им была чужда русская философия, их не интересовали вопросы духа, они оставались материалистами или позитивистами. Культурный уровень не только средних революционеров, но и вожаков революции был не высок, мысль их упрощена. Они остались чужды тому веянию духа, которое пронеслось над Европой и Россией в конце XIX и начале XX века. Им оставались чужды темы Достоевского, Л. Толстого, Вл. Соловьева, Ницше, тема германского идеализма, символизма, вообще темы христианства. Более высокая умственная культура была у элементов группировавшихся вокруг «Союза освобождения», организации образовавшейся в 1903-4 гг. и представлявшей широкий либерально-радикальный блок для борьбы за политическую свободу против самодержавия. В этом блоке широкие круги левой интеллигенции пытались соединиться с либеральными деятелями земского и городского самоуправления, в нем участвовали и более умеренные социал-демократы. Но этот «Союз освобождения», в котором участвовали значительные интеллектуальные силы, не мог овладеть революционным движением, потому что в России могло иметь успех лишь движение под символи-

кой социализма, а не символикой либерализма, и непременно вдохновленное тоталитарным миросозерцанием. Элементарность и грубость идей революции 1905 года, в которых чувствовалось наследие русского нигилизма, оттолкнули деятелей культурного ренессанса и вызвали духовную реакцию. В это время произошла переоценка ценностей миросозерцания русской интеллигенции. Это нашло себе выражение в нашумевшем в свое время сборнике «Вехи», в котором были подвергнуты резкой критике материализм, позитивизм, утилитаризм революционной интеллигенции, ее равнодушие к высшим ценностям духовной жизни. Происходила борьба за дух, но борьба эта не имела широкого социального влияния. По старой традиции русской интеллигенции борьба за дух была воспринята, как реакция, почти как измена освободительным стремлением. Такова была предреволюционная культурная атмосфера. Внутри же революционного движения обнаружилась слабость и неподготовленность социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров, продолжавших народнические традиции. Это было время Государственной Думы, начатки русского парламента, еще довольно бесправного, и образование впервые большой либеральной партии так называемых кадетов под главенством П. Милюкова. На поверхности русской жизни либерализм как будто начинал играть довольно большую роль и с ним должно было считаться правительство. Но самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наимече утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русскимисканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властования насилием⁴). Это было определено всем ходом русской истории, но также и слабостью у нас творческих духовных сил. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа.

---

⁴) В статье написанной в 1907 г. и вошедшей в мою книгу «Духовный кризис интеллигенции», СПБ, 1910 г., я определенно предсказал, что если в России будет настоящая большая революция, то в ней неизбежно победят большевики. (Примеч. изд-ва: Речь идет о статье «Из психологии русской интеллигенции»).